

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 801.73:397

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108

**«ХИЩНЫЕ НАРОДЫ» – ОТВЕРЖЕННЫЕ ИЛИ ИЗБРАННЫЕ?
О НЕТИПИЧНОМ «ЧУЖОМ» ДРЕВНЕРУССКИХ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Д.В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, 426004, Россия*

Аннотация

Присутствующее в этнографическом введении «Повести временных лет» сравнение славянских племен, окружающих полян, с живущими в лесу зверьми часто расценивается исследователями как яркий пример конструирования образа «чужого», свидетельство грубого этноцентризма автора-киевлянина. Такая оценка слабо согласуется с общеславянским патриотизмом автора этого текста. С другой стороны, на Руси существовала традиция трактовки Книги пророка Осии, в которой союз ветхозаветных евреев с дикими зверьми трактовался как пророчество крещения языческих народов. Встречающиеся совпадения «Повести временных лет» с текстами этой традиции позволяют пересмотреть утверждавшееся в историографии представление об однозначно негативных, уничижительных коннотациях противопоставления славянских племен полянам. Вставка о нравах разных народов, обнаруживаемая в летописи, лишь подчеркивала идею особого значения предков киевлян в распространении христианства на окрестные территории. При этом племена, на которые будет распространяться новая вера, мыслились не только как дикие язычники, но одновременно как избранные для спасения люди.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», Библия, экзегетика, христианизация, поляне, древляне, хазары, славянские племена, животные, дикая местность

В этнографическом введении «Повести временных лет» есть один эпизод, который современными людьми автоматически «считывается» как очевидный пример дегуманизации некоторых восточнославянских племен прошлого. Христианские народы в этом фрагменте противопоставляются народам, живущим по закону отцов, среди которых выделяются как благочестивые, так и имеющие нрав домашних животных. Кроме того, мудрые и «смысленные» поляне противопоставляются древлянам. Описание последних сочетает в себе характеристики скота и диких зверей. Сообщая о нравах радимичей, вятичей и северян, летописец рисует картины живущих в лесу, подобно зверям, диких людей. Именно в этом фрагменте описываются наиболее подробно конкретные славянские языческие обряды. Впрочем, благодаря строкам летописи: «Си же творяху обычая Кривичи. [и] прочии погании. Не вѣдуще закона Божия. Но творяще сами собѣ законъ» (ЛЛ, стб. 14), – эту характеристику можно распространять и на любое, за исключением полян, славянское племя.

Этнографическому введению давно было найдено множество параллелей в средневековой литературе (как очевидных, так и сомнительных). Один из источников своих рассуждений – Хронику Амартола – раскрыл сам автор сочинения (ЛЛ, стб. 14). Разные исследователи отмечают, что на «Повесть временных лет» также могли повлиять: Хронограф по великому изложению, Летописец вскоре патриарха Никифора, извлечения из «Книги Юбилеев» [1, с. 173], несохранившиеся западнославянские источники [2, с. 77, 79], общий с «Иосиппоном» источник [3, с. 87, 221–222], «Диалоги» Псевдо-Кесария [4, с. 29], 3-я книга Ездры и Послания апостола Павла [5, с. 235], Книга Иисуса Навина [6, с. 546], 1-я книга Паралипоменон [7, с. 16–17], древнерусские «Толковые пророки» [8, с. 214–215] и др. А после популяризации методик выявления «памяти контекста» данные параллели начинают влиять и на интерпретации заложенных в текст книжником смыслов. Но вопросы «зверскости» и лесного быта остаются на периферии подобных реконструкций. Чаще всего исследователи не разграничивают «скотские» и «зверские» характеристики.

На наличие различий обратил внимание А.С. Дёмин. Для «скотских» исследователь находит параллели в Хронике Амартола, «Речи философа» и «Откровении» Мефодия Патарского. «Зверский» же, «хищный» образ жизни славянских племен, по мысли А.С. Дёмина, – плод самостоятельного творчества летописца [9, с. 107–108]. Конечно, знаменитый литературовед не мог пройти мимо сообщения Илариона, где прошлое недавно крещёного населения Древней Руси сравнивается с жизнью зверей и скота, не знающих слова Божьего и пекущихся не о небесном, а только о земном. А.С. Дёмин, в свою очередь, считал летописное сообщение слишком непохожим на рассуждения Илариона, так как «Иларион, в отличие от летописца, имел в виду идейное невежество язычников» [9, с. 107].

Однако сообщение Илариона (СЗБ, с. 40) достойно отдельного внимания, прежде всего благодаря открытой ссылке на Писание (см. табл. 1), а именно на Книгу пророка Осии (Ос. 2:18, 23). Анализ таких фрагментов вызывает закономерный вопрос: насколько современный человек способен правильно находить скрытые ссылки к библейским текстам, если перед ним нет очевидных цитат. Смогли бы мы верно определить эпизод Библии, который Иларион использовал как шаблон, если бы он не указал источник своего сравнения людей с животными? В Книге пророка Осии нет никакого ясного указания на то, что за зверьми скрываются народы, подлежащие обращению. Этот эпизод современный человек скорее истолковал бы в духе подчинения природы людям, к тому же ранее эти самые звери приносили вред богоизбранному народу. А «союз» с животными упоминается в том же стихе, что и обещание избавления от войн. Фраза же «и реку не людем моимъ: «Людие мои вы»» может быть отнесена все к тому же богоизбранному народу, который ранее, согласно пророчеству, отпадет от Бога. Текст Илариона может подтвердить наши сомнения еще и потому, что некоторые исследователи игнорируют раскрывающуюся довольно прямоLINейно идею. Это проявилось в трудах И.Н. Данилевского в контексте истолкования все тех же описаний «скотских» и «зверских» нравов «Повести временных лет».

Исследователь полностью игнорирует самую оригинальную на первый взгляд часть летописи и цепляется за слова «скотский» и «закон». Вердикт исследователя: «Подобные характеристики едва ли не связаны с текстом 3 книги

Ездры: “Не погубляй тех, которые *жили по-скотски*, но воззри на тех, которые ясно учили *закону Твоему* (курсив И. Данилевского)”» [5, с. 235].

Табл. 1
Параллели описанию хищных народов из этнографического введения
в «Толковых пророках» и «Слове о Законе и Благодати»

«Повесть временных лет» (ЛЛ, стб. 13–14)	«Толковые пророки» (КПТ, л. 5)	«Слово о Законе и Благодати» (СЗБ, с. 40)
<p>а Древляне живяху звѣриньскимъ обра- зомъ. жиоуще скоть- ски...</p> <p>и Радимичи и Вятичи. и Сѣверъ. одинъ обычаи имяху живяху в лѣсѣ. якоже [и] всякии звѣрь. ядуще все нечисто...</p> <p>не вѣдуше закона Божия. но творяще сами собѣ законъ</p>	<p>Завѣтъ глаголеть Богъ. не ко звѣремъ завѣщати. но къ человекомъ. живоущимъ нравомъ звѣрьскимъ и ядъ имоущемъ гадъ земныхъ. все бѣ беззаконны. посем же пакы отѣщаваетъ имъ гобино вся...</p>	<p>И прѣжде бывшемъ намъ яко звѣремъ и скотомъ, не разумѣющемъ десницѣ и шюицѣ и земленыхъ прилежащем, и ни мала о небесныхъ попекущемся, посла Господь и къ намъ заповѣди, ведущаа въ жизнь вѣчную, по <i>пророчеству Иосину</i>: «<i>И будеть въ день онъ, гла- голеть Господь, завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесными и звѣрьми землеными и реку не людем моимъ: «людие мои вы», и ти ми рекутъ: «Господь Богъ нашъ еси ты»</i></p>

Это «едва ли» звучит странно, потому что в данной книге нет ничего (сравнение со **скотом** и акцент на отсутствие у языческих народов **закона**), что летописец не мог бы заимствовать у Амартола (КВО, с. 143–144). А в специальной сноске сам И.Н. Данилевский признает, что греческий и славянский тексты 3-й книги Ездры на Руси не были известны. Но косвенным свидетельством того, что содержание этой книги всё же могли знать, исследователь считает сообщение Ипатьевской летописи об установке столпа с многоглавым орлом в Холме (в 3-й книге Ездры упоминается трехглавый орел) [5, с. 235–236].

В той же сноске исследователь приводит сообщение Илариона как близкое к тексту 3-й книги Ездры [5, с. 236]. Здесь мы видим, как два противоположных подхода оказываются совершенно невосприимчивыми к информации, которая действительно много говорит о способах мышления Другого. С одной стороны, И.Н. Данилевский заимствует архаичный метод сравнения, где через сложные символические соответствия можно сравнивать далекие друг от друга вещи, но приписывает ему способность к научной верификации и надеется с его помощью открыть заложенные автором в произведение тайные смыслы. С другой стороны, А.С. Дёмин уже книжникам древности приписывает современный способ выстраивания смысловых параллелей, в которых несопоставимые вещи не должны сравниваться (как будто мы знаем, что считал сопоставимым средневековый книжник). Но оба автора при этом не замечают того, как сам Иларион объясняет сравнение бывших язычников со зверьми и скотом.

Вот и И.Н. Данилевский, проигнорировав открытую ссылку на Книгу пророка Осии, вспомнил 3-ю книгу Ездры. Но что важного пропустил тогда А.С. Дёмин? Если нестрогий метод символического толкования не расшифровать как строгую кодировку, какой смысл вообще заниматься расшифровкой таких вещей? Это все так, но в данном случае мы имеем поразительное свидетельство того, что суждения автора этнографического введения и Илариона для средневековых людей были не столь и далеки. Еще в начале XX в. В.Н. Перетц предположил, что описание звериного нрава славянских народов в «Повести временных лет» возникло под влиянием «Толковых пророков», которые должны были быть известны в то время на Руси [8, с. 214]. Конкретно речь идет о еще одном толковании того же самого эпизода из Осии (параллель в «Слове о законе и благодати» исследователь не отметил). Впрочем, смысл такой сентенции автор неоправданно свел к уничижению древлян, не заметив, что сходной характеристикой были награждены и радимики, вятичи и северяне. Но рисовать образ враждебного «чужого», используя ссылку к отмеченному толкованию Осии, было бы странно, так как в этих толкованиях бывшими зверьми называются ни больше ни меньше – будущие христианские народы, которые уверуют «въ сынъ божии послѣди. сиа бо поя себѣ въкъ по правдѣ» (КПТ, л. 5).

Но сама параллель крайне любопытна (см. табл. 1). Славянский текст «Толковых пророков», о которых идет речь, должен был быть известен уже ко времени творчества Илариона. Примерно в то же время их переписывал поп Упырь Лихой. По одной из версий новгородский переписчик работал в Киеве [10, с. 7]. Первый русский митрополит местного происхождения, вероятно, знал эти толкования. Но важно другое: «Толковые пророки» совпадают со «Словом» в интерпретации того, кто скрывается за животными в Книге пророка Осии, в то время как с «Повестью временных лет» их роднит сопоставление язычников с дикими животными именно по линии поведения и игнорирования норм истинной веры, а не в том плане, что животные не могут заботиться о жизни вечной (как это трактовал Иларион).

То, что в летописи «звериные» коннотации были взяты из Осии, вряд ли когда-нибудь удастся доказать. Важно другое: А.С. Дёмин рассуждает как современный человек. Это с нашей точки зрения слова «бывшемъ намъ яко звѣремъ и скотомъ, не разумѣющемъ десницѣ и шиоицѣ и земленыих прилежащем, и ни мала о небесныхъ попекущемъ» (СЗБ, с. 40) говорят об идейном невежестве, но никак не о нравах и моральном облике. Но в средневековом христианстве, где человек может оставаться по-настоящему человеком только в рамках христианского учения, смысл фразы должен был иметь совсем иной оттенок. По Илариону, жизнь только земными благами, отсутствие заботы о благах небесных – это характеристика, не такая и далекая от изображения народов, подчиненных материи, имеющих грубый приземленный нрав, обычаи, закрывающие путь на небеса.

Звериный нрав и беззаконие язычников – не единственные совпадения, которые связывают «Толковые пророки» с этнографическим введением. В Книге пророка Осии и ее толкованиях обнаруживаются параллели к описанию обид, которые причиняли полянам окрестные племена (ЛЛ, стб. 16–17), и полевым коннотациям этимологии этнонима «поляне». Наконец, в такой перспективе можно было бы снять противоречие: поляне, несмотря на свою миссию, на мо-

мент событий, описанных в этнографическом введении, еще не были в числе «правоверных». В толковании Пророков и Книге Осии (Ос. 2:12) полевые звери и небесные птицы едят подарки блудницы (которая, по всей видимости, ассоциируется с *павшим от идолопоклонства* богоизбранным народом). Потом Бог отводит блудницу в «поляну ахроовоу» (КПТ, л. 4 об.), где она приходит к смирению, вновь обретает Бога (этот период и в толкованиях, и в Библии сопоставляется с выходом из *египетского пленя*), после чего и идет заключение завета богоизбранного народа с полевыми зверьми, небесными птицами и земными гадами, что толкователь интерпретирует как распространение веры на христианские народы. Подобный мессианский подтекст теоретически мог быть воспринят летописцем, но тогда логичнее было составить окружение полян из зверей полевых. В синодальном переводе Библии подарки блудницы не только едят звери, но и часть их превращается в лес (Ос. 2:12). Но едва ли близкий перевод был известен на Руси.

Возникают проблемы и при определении этапа, на котором в летописи появилась «хищные» коннотации племен, окружающих полян. Если следовать шахматовской гипотезе, эта часть летописи, тесно связанная с почерпнутыми из Хроники Амартола идеями, не могла содержаться в Начальном своде [11, с. 282]. С другой стороны, В.Я. Петрухин высказывал весьма аргументированное предположение, что в Начальной летописи существовало некое «космографическое введение», впоследствии сокращенное новгородцем [3, с. 64, 210]. Как бы то ни было, сообщение о нравах различных народов в «Повести временных лет» похоже на вставку. Сразу после нее и следует фраза о притеснении полян другими племенами и хазарами: «По сихъ же лѣтѣхъ по смерти братъѣ сея быша обидимы...» (ЛЛ, стб. 16). Речь в данном случае, видимо, идет о братьях Кие, Щеке и Хориве (ЛЛ, стб. 9), о которых сообщается до развернутого пассажа о нравах различных народов. Но явно не содержит первоначальный текст и новгородское летописание. Сведения о Кие, Щеке и Хориве и притеснениях полян здесь неорганично разрываются фразой: «Бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» (которая на этот раз характеризует уже полян), – и сообщением о нашествии Руси на Царьград при византийском императоре Михаиле¹, когда христиан спасла от бесчинств язычников буря, вызванная, по мнению книжников, омовением в море ризы святой Богородицы (НПЛ, с. 105). В Новгородской первой летописи, помимо прочего, эта информация предшествует повествованию о призвании варягов: о том, кто возглавлял воинов-язычников, ничего не говорится. В то же время Лаврентьевская летопись явно связывает поход на Византию с деятельностью уже варяжских князей – Аскольда и Дира (ЛЛ, стб. 21–22).

Вероятно, объяснение притеснения полян, приведенное в первоначальном варианте, сохранилось впоследствии в обоих сводах: гегемония в регионе перейдет от хазар к русским князьям. Такое освобождение полян вызывало у летописца ассоциации с выводом Моисеем евреев из *египетского пленя* (ЛЛ, стб. 17; НПЛ, с. 105–106). Дальше развитие сюжета шло двумя разными путями. Книжник-киевлянин усилил акцент на особом положении полян, подчеркивая сакральную значимость киевских территорий. На этом этапе могли использоваться «Толковые пророки», дополненные пространственной игрой, восхо-

¹ То, что эти сюжеты носят характер вставки, отмечал еще А.А. Шахматов [11, с. 77]. Вместе с тем исследователь приписывал данные вставки «перу» автора Начального свода.

дящей к Книге Иисуса Навина (о возможной связи этой книги с летописной семантикой лесных пространств см. [12, с. 34–38]). Новгородец же поставил перед информацией о притеснении полян сюжет о походе Руси на Византию, в котором было убито много греков-христиан, что размывало проводимую ранее идею о несправедливых обидах, причиненных полянам, и, соответственно, несколько нивелировало признаки избранности этого племени по сравнению с другими славянами. Все эти предположения, конечно, в значительной степени гипотетичны.

Открывающиеся соответствия позволяют иначе взглянуть на противопоставление полян другим племенам. Мало кто в настоящий момент оспаривает положение, согласно которому поляне сопоставлялись в этнографическом введении с ветхозаветными евреями, и им приписывалась роль центра славянского мира, а территории Киева мыслились как место, с которого на другие восточнославянские племена будет распространяться спасительная вера. Очевиден и общеславянский патриотизм книжника в первой части этнографического введения. Однако переходя к анализу звериных метафор неполянских племен, исследователи рисовали довольно жесткое противопоставление полян другим славянским племенам по принципу свой/чужой. Очевидный панславянский патриотизм книжника-киевлянина резко переходил в не менее очевидный грубый и примитивный полянский шовинизм, не брезговавший даже таким приемом, как «дегуманизация», казалось бы, родственных этносов.

Разрешить этот конфликт попробовал Н.И. Солнцев, считавший, что такие противоречия возникли потому, что, описывая расселение полян, летопись подражает библейскому сюжету расселения колен Израилевых, а затем подводит мотив завоевания полянами окрестных племен под покорение ветхозаветными евреями Ханаана, на основании чего неполянские племена сопоставляются с «автохтонным» населением Земли обетованной – библейскими хананеями [6, с. 547]. Тем не менее и подобная интерпретация не объясняет, как должен был оцениваться древнерусским населением столь резкий переход: родственные, столь же богоизбранные, как и поляне, славянские племена превращаются в ужасных «чужих», рабов, покоренных с особой жестокостью. «Окружающим же племенам уже самой логикой божественного пророчества предписывалось: «взьмите в руки ваши хлеба на дорогу и пойдите навстречу им и скажите им: "мы *рабы ваши*; итак, заключите с нами союз"» (Иис. Навин 9:11). Можно предположить, что именно на такое противопоставление «своих» и «чужих» указывает летописец, характеризуя *абсолютно чужие* для полян окрестные племена, самим пророчеством обреченные быть в повиновении Киеву (курсив наш. – Д.П.)» [6, с. 548]. В такой перспективе «завет» полян с неполянскими территориями мыслится как безусловное рабство и подчинение последних. Христианский и славянский универсализмы растворялись в задачах государственного (если не сказать имперского) строительства².

Таким образом, даже попытка анализа этнографического введения в рамках методик, близких И.Н. Данилевскому, когда предпочтение отдавалось конструированию далеких от очевидного смысла интерпретаций, не вела к переоценке характера противопоставления полян другим племенам. Трактовка самого И.Н. Данилевского фактически свелась к тому, что летописец как бы го-

² Мы считаем, что если книжник и использовал, помимо прочего, Книгу Иисуса Навина, то с хананеями сопоставлялись не столько подлежащие покорению неполянские племена, сколько хазары [12, с. 36].

ворит: учитесь у праведных, а не у нечестивцев. Обнаруживший параллели в «Толковых пророках» В.Н. Перетц также не стал пересматривать сложившуюся традицию, сведя смысл сопоставления отдельных племен с животными к полянскому шовинизму. Но наиболее драматичный характер противостояние полян с окрестными племенами приобретает в трудах авторов, не имеющих должной подготовки для изучения древнерусских текстов. Например, В.С. Киселев, специализирующийся на изучении русской литературы *Нового времени*³, рассматривал негативное описание «звериных» нравов как идеологию оправдания насильтвенной и жестокой «колонизации и ассимиляции» (как будто Русь ничем не отличалась от капиталистических централизованных империй ни политически, ни идеологически) [13, с. 32].

На наш взгляд, сравнение некоторых славянских племен с дикими животными лишь подчеркивало общую мессианскую идею этнографического введения и далеко выходило за пределы дилеммы «свой/чужой». Книжник, безусловно, ставит полян выше всех славянских племен, но и последние не теряют черт богоизбранности. Наиболее выраженным маркером «чужого» в такой перспективе становится скорее сопоставление с домашними животными: с ними сравниваются народы, информацию о которых книжник берет у Амартола. Характеристики диких и домашних животных сочетает описание древлян (ЛЛ, стб. 13), именно с этим племенем наиболее драматично складывались отношения у полян. Поляне и древляне к тому же явно противопоставляются друг другу в этнографическом введении. Но сообщения о живущих в лесу, подобно диким животным, народах относятся только к славянам. При этом данная конструкция усложняется еще и тем, что наиболее четко характеристика живущих в лесу, подобно зверям, язычников относится к радимичам, вятычам и северянам – бывшим данникам иудеев-хазар (ЛЛ, стб. 24, 65). А последние, помимо прочего, прямо сопоставлены в летописи с притеснителями богоизбранного народа – египтянами. В этом отношении аллюзии на толкования Осии могли порождать весьма богатые смыслы у разных интерпретаторов.

Однако, даже если мы ошибаемся в своих трактовках, мы все равно должны прилагать некоторые усилия, для того чтобы распознать и отбросить давление нашей собственной культуры, которая видит в сравнениях со зверьми утверждение об отсутствии всякой культуры у того или иного этноса, расизм, противопоставление дикости и цивилизации. В Средние века зверьми людей делало не отсутствие культуры, а грехи, искажающие «образ Божий» [14, с. 131]. «Словесная» часть души, отличавшая человека от животного и уподоблявшая его бестелесным ангелам, в немалой степени связывалась с восприятием норм истинной веры: «Еллини словесни соуще. и не съхранише словесное» (ПМН, с. 62). При этом обитание в диком локусе могло быть как атрибутом злого язычника, так и праведника-отшельника. Интересно, что в Хронике

³ Степень осведомленности исследователя о древнерусских реалиях, к сожалению, оставляет желать лучшего. Особенно много ошибок В.С. Киселев делает, анализируя так называемое «восстание волхвов», описанное в летописи под 1071 г. Из-за непонимания языка и особенностей социальной структуры Древней Руси исследователь путает поведение и социальный статус самих волхвов и убиваемых ими «лучших жен» [13, с. 29, 36–37], а также серьезно искажает содержание ст. 33 Краткой редакции Русской правды. Эти искажения ведут к серьезным для общей концепции автора последствиям, ведь расправа над *пришлыми* из района ярославчины магическими специалистами, *смердами* [ЛЛ, стб. 175] (категория несвободного населения) по социальному статусу, трактуется как отказ «центральной власти рассматривать “лучших людей” племени как сколько-нибудь самостоятельную общественную силу», что якобы «выступало залогом растворения любой национальной культуры в суперэтнической государственно-религиозной общности» [13, с. 29].

Амартола в лесу, скрывая листьями свою наготу, живут благочестивые брахманы (КВО, с. 393). Звериный нрав едва ли маркирует исключительно отсутствие культуры и цивилизации. Не свидетельствует сравнение с животными и о природной неполноте (Бог создал человека совершенным [14, с. 131]).

Поэтому и воспринимать это сравнение в древности должны были мягче. «Повесть временных лет» переписывалась и в региональных центрах, но лишь новгородский книжник стал изменять идеальный посыл этнографического введения⁴. Когда летописцу Северо-Западной Руси понадобится подчеркнуть особый сакральный статус своей земли, он предпочтет намекнуть на потерю Киевом святыни, а не подвергнуть ревизии киевоцентричную историческую интерпретацию. И здесь вновь появляется аллюзии на историю богоизбранного народа, только на этот раз речь пойдет об обстоятельствах его падения [15, с. 362–365]. Какой бы этноцентричной ни была описанная в этнографическом введении «Повести временных лет» этническая предыстория древнерусского государства, она одновременно была достаточно универсальна, чтобы сохраняться как общая идеологема даже в условиях центробежных тенденций⁵. Автор же этого введения, вероятнее всего, был гораздо более тонким идеологом, чем это кажется на первый взгляд.

Источники

- ЛП – Полное собрание русских летописей. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 496 с.
- СЗБ – Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 1: XI – XII века. – С. 26–61.
- КПТ – РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304. I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 90. Книги 16 Пророков толковые. – 463 л. – URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i-f-304i-90>, свободный.
- КВО – Матвиенко В.А., Щеголева Л.И. Книги временные и образные Георгия Монаха: в 2 т. – М.: Наука, 2006. – Т. 1, ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи. – 634 с.
- НПЛ – Полное собрание русских летописей. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – V – XII, 720 с.
- ПМН – Послания Митрополита Никифора / Пер. Г.С. Баракова; Отв. ред-сост. В.В. Мильков. – М.: Ин-т филос. РАН, 2000. – 125 с.

Литература

1. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 760 с.
2. Никольский Н.К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 110 с.

⁴ Этот аспект, во всяком случае, позволяет усомниться в политическом значении превозношения киевских территорий в том виде, в котором это представляют исследователи. Столица такой аморфной политической структуры, как Киевская Русь, могла претендовать только на относительное лидерство среди других восточнославянских территорий. Сложно представить и наличие в таких условиях общерусской идеологии имперского типа.

⁵ Поспорить с ней могли только новгородцы, также игравшие важную роль в процессе зарождения нового христианского народа.

3. *Петрухин В.Я.* Русь в IX – X веках. От призыва варягов до выбора веры. – М.: Форум: Неолит, 2014. – 464 с.
4. *Андрейчева М.Ю.* Образы иноверцев в Повести временных лет. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 184 с.
5. *Данилевский И.Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. – 448 с.
6. *Солнцев Н.И.* Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет» // *Via in tempore. История. Политология.* – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 541–551. – doi: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551.
7. *Ричка В.М.* «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. – 180 с.
8. *Перетць В.* До питання про літературні джерела давнього українського літопису // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського. – Київ: Б.и., 1928. – № 76, ч. 2. – С. 213–219.
9. *Дёмин А.* Изображение «зверскости» злодеев в древнерусской литературе // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 106–125.
10. *Калугин В.В.* Записи попа Упыря Лихого в Толковых пророчествах 1047 года // Славяноведение. – 2018. – № 2. – С. 3–11.
11. *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. – М.: Акад. Проект; Жуковский: Кучково поле, 2001. – 880 с.
12. *Пузанов Д.В.* Дикие народы и дикая местность в домонгольском летописании // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 1. – С. 32–40. – doi: 10.5245/19931778_2022_1_32.
13. *Киселев В.С.* Формы колониального дискурса в раннем русском летописании (к постановке проблемы) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 23–40.
14. *Ужанков А.Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. – М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2011. – 512 с.
15. *Пузанов Д.В.* Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX – XIII вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. – 480 с.

Поступила в редакцию 15.02.2023
Принята к публикации 18.04.2023

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
ул. Ломоносова, д. 4, г. Ижевск, 426004, Россия
E-mail: *lpdmor@gmail.com*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 98–108

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108

**“Bestial Peoples” – the Rejected or the Chosen Ones?
About the Atypical “Foe” in the Old Russian Written Sources**

D.V. Puzanov

Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UdmFRC, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Izhevsk, 426004 Russia
E-mail: *lpdmor@gmail.com*

Received February 15, 2023; Accepted April 18, 2023

Abstract

In the ethnographic introduction of the Primary Chronicle, the Slavic tribes living around the Polans are compared to forest animals, which is often regarded by researchers as a vivid example of the construction of a “foe” image and a clear evidence of the blatant ethnocentrism of the Kievan author. This is in stark contrast to the author’s general Slavic patriotism. According to the traditional interpretation of the Book of Hosea in Old Rus’, however, the Jews of the Old Testament were in league with animals as the prophecy that the pagan peoples would be baptized. The overlaps in the texts of the Primary Chronicle and other written sources following the above tradition suggest that the long-established idea, supported by many historiographers, about the unambiguously negative and pejorative juxtaposition of the Slavic tribes with the Polans should be revised. The fragment about the customs of different peoples found in the Primary Chronicle only emphasizes the special role played by the ancestors of the Kievens in the spread of Christianity in the surrounding territories. Furthermore, it was believed that the tribes that would adopt the new faith were not only savage pagans, but also those chosen for salvation.

Keywords: Primary Chronicle, Bible, exegesis, Christianization, Polans, Drevlians, Khazars, Slavic tribes, animals, wilderness

References

1. Zhivot V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predistorii russkoi kul'tury* [Research on the History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2002. 760 p. (In Russian)
2. Nikolsky N.K. *Povest' vremennykh let, kak istochnik dlya istorii nachal'nogo perioda russkoi pis'mennosti i kul'tury* [The Primary Chronicle as a Source for the History of the Early Development of Russian Writing and Culture]. Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1930. 110 p. (In Russian)
3. Petrukhin V.Ya. *Rus' v IX – X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus’ in the 9th–10th Centuries. From the Calling of the Varangians to the Choice of Faith]. Moscow, Forum, Neolit, 2014. 464 p. (In Russian)
4. Andreicheva M.Yu. *Obrazy inovertsev v Povesti vremennykh let* [Images of the Gentiles in the Primary Chronicle]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019. 184 p. (In Russian)
5. Danilevskii I.N. *Germenevicheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let* [Hermeneutical Foundations for Studying Chronicle Texts. The Primary Chronicle]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2019. 448 p. (In Russian)

6. Solntsev N.I. The characteristic features of describing “friends” and “foes” in the cosmographic introduction to the Primary Chronicle. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 2020, vol. 47, no. 3, pp. 541–551. doi: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551. (In Russian)
7. Rychka V.M. “Vsya korolivs’ka rat” (*Vlada Kyivs’koi Rusi*) [“All the King’s Men” (The Government of Kievan Rus’)]. Kyiv, Inst. Ist. Ukr. NAN Ukr., 2009. 180 p. (In Ukrainian)
8. Perets V. On the literary sources of the Old Ukrainian chronicles. In: *Zbirnyk Istorychno-filolohichnoho viddilu UAN. Yuvileiniy zbirnyk na poshanu akad. M.S. Hrushevs’koho* [A Collection of Articles of the Historical and Philological Department of the Ukrainian Academy of Sciences. A Jubilee Collection Articles Dedicated to Academician M.S. Hrushevsky]. Kyiv, n. p., 1928, no. 76, pt. 2, pp. 213–219. (In Ukrainian)
9. Demin A. Depicting the “bestiality” of villains in Old Russian literature. *Razvitiye Lichnosti*, 2012, no. 4, pp. 106–125. (In Russian)
10. Kalugin V.V. Notes made by the priest Upyr Likhoi in the Explanatory Prophecies of 1047. *Slavyanovedenie*, 2018, no. 2, pp. 3–11. (In Russian)
11. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o russkikh letopisyakh* [Research on Russian Chronicles]. Moscow, Akad. Proekt; Zhukovskii, Kuchkovo Pole, 2001. 880 p. (In Russian)
12. Puzanov D.V. Wild peoples and wild lands in pre-Mongol Rus chronicles. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2022, no. 1, pp. 32–40. doi: 10.5245/19931778_2022_1_32. (In Russian)
13. Kiselev V.S. The forms of colonial discourse in the early Russian chronicle writing (on defining the problem). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2009, no. 2 (6), pp. 23–40. (In Russian)
14. Uzhankov A.N. *Istoricheskaya poetika drevnerusskoi slovesnosti. Genezis literaturnykh formatsii* [Historical Poetics of Old Russian Literature. Genesis of Literary Formations]. Moscow, Izd. Lit. Inst. im. A.M. Gor’kogo, 2011. 512 p. (In Russian)
15. Puzanov D.V. *Prirodyne yavleniya v sakral’noi kartine mira narodov Vostochnoi Evropy. Drevnyaya Rus’ i ee sosedii: IX – XIII vv.* [Natural Phenomena in the Sacral Worldview of the East European Peoples. Old Rus’ and Its Neighbors: 9th–13th Centuries]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2018. 480 p. (In Russian)

Для цитирования: Пузанов Д.В. «Хищные народы» – отверженные или избранные? О нетипичном «чужом» древнерусских письменных источников // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 98–108. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108.

For citation: Puzanov D.V. “Bestial peoples” – the rejected or the chosen ones? About the atypical “foe” in the Old Russian written sources. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 98–108. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108. (In Russian)